

К ВОПРОСУ О ФОНЕМНОМ СОСТАВЕ ЖАРГОННЫХ АФФИКСОВ

© Е.В.Хабибуллина

Объектом рассмотрения в статье являются проблемы изучения жаргонной деривации. Проводится анализ нескольких аффиксов, функционирующих в жаргонном словообразовании, с целью определения их фонемного состава. На основании проведенного анализа устанавливается возможность появления фонеморфом в социальных диалектах. При этом обосновывается необходимость учета как специфики деривационных характеристик жаргона, так и явлений и процессов, свойственных для словообразования русского языка вообще. Демонстрируется возможность привлечения материала жаргонной деривации для решения вопросов, возникающих перед исследователем словообразования в литературном языке.

Ключевые слова: словообразование, аффикс, фонеморфема, модификационное значение, жаргон, субстандарт.

Исследования в области жаргонного словообразования продолжают сохранять свою актуальность. Несмотря на то, что за последние несколько десятилетий накоплен значительный материал в этой сфере, в частности, достаточно серьезно изучен состав словообразовательных аффиксов, использующийся в словопроизводстве жаргонных лексем, определены наиболее продуктивные способы деривации для разных социальных диалектов, остаются аспекты, которые затронуты исследователями в меньшей степени. Например, определение фонемного состава той или иной морфемы является одним из проблемных вопросов для исследователей субстандартной деривации, об этом свидетельствуют данные словарей арго и жаргона. Это касается и корневых морфем: мы можем наблюдать, что одна и та же лексема по-разному фиксируется в словарях субстандартной лексики (напр., *корефан* – *корифан* – *карифан*) [1: 433, 479]. То же можно сказать и об аффиксах – особенно тех, которые функционируют именно в субстандартном словопроизводстве. Анализируя состав той или иной лексемы, исследователь нередко может только предположить, что его версия имеет право на существование, тем не менее, чем больше будет версий, тем больше вероятности определить, какая из них является наиболее точной.

Цель данной работы – изложить наблюдения, сделанные относительно состава некоторых служебных аффиксов, использующихся в жаргонной деривации. Теоретической основой статьи послужили труды исследователей субстандартной лексики В.С.Елистратова [2], В.В.Химика [3], М.А.Грачёва [4], в области словообразования – работы Г.А.Николаева [5-9], Е.А.Земской [10], Л.В.Радибурской [11], Н.Янко-Триницкой [12]. Объект исследования – аффиксы, использующиеся в производстве лексем молодежного жар-

гона. Материал исследования – номинации, зафиксированные в словарях субстандартной лексики [2; 13-15].

К аффиксам, принадлежащим исключительно субстандарту, относится суффикс -бан. С его помощью образуются экспрессивные номинации оценок: *бабан*, *цвайбан* («двойка») [15: 331], *тройбан* («тройка») [15: 345], *четвербан* («четверка») [15: 352]. В принципе, можно было бы ожидать появления деривата **пятибан* («пятерка»), однако мы обнаруживаем только лексему *пятифан* [15: 341]. Данные словарей позволяют выстроить синонимический ряд из слов с тем же значением и с тем же аффиксом: *пертофан*, *фетифан* [15: 341]. Дать однозначный ответ, почему при их образовании был использован аффикс -фан, а не -бан, достаточно сложно. Это, вероятнее всего, обусловлено фонетически (диссимилиация). Попутно заметим, что в молодежном жаргоне с тем же значением используется слово *патефон* [15: 341], в данном случае мы имеем дело не с семантической деривацией, а с каламбурным словообразованием. Вообще, для арго и жаргона более частотны варианты, когда одно слово с нейтральной стилистической окраской используется по созвучию вместо другой, также стилистически нейтральной, единицы: *Чайковский* – *чай*, *Белинский* – *белый хлеб* [2: 458; 1: 69]. В нашем же случае, скорее всего, произошло иначе: немаркированное *патефон* пришло по созвучию не с нейтральным *пять*, а с жаргонной единицей *пятифан*. Возвращаясь к аффиксу -фан, имеющему (как и аффикс -бан) социолектную стилистическую закрепленность, необходимо указать, что обе эти морфемы имеют исключительно эмотивное значение, обе присоединяются к основам слов с предметным значением: *картофан* (картошка), *корефан* (от *кореш* – друг), *дружбан* (друг) [2: 169, 185, 114]. Возни-

кает вопрос, действительно ли это два самостоятельных аффикса, или перед нами морфы типа -чик/ -щик. Свидетельствовать в пользу последней версии будет тот факт, что элементу -фан обычно предшествует гласный, а элементу -бан – согласный звук, таким образом, можно говорить о том, что на выбор морфа влияет характер предшествующего звука. Скорее всего, перед нами все же фонеморфемы, а не самостоятельные аффиксы. Чередования в аффиксальных морфемах в русском литературном языке представлены сравнительно небольшим количеством примеров [10: 110], но, основываясь на проанализированных нами примерах, можно предположить, что в жаргонном словообразовании их перечень может быть иным.

Исследователи жаргонов и арготического языка отмечают, что имеющиеся на данный момент словари субстандартной лексики нередко дают недостаточно полное словообразовательное описание материала. Это неудивительно, ведь перед их составителями стояла задача прежде всего собрать материал, а сейчас, на наш взгляд, актуален анализ субстандартных морфем с точки зрения их морфонологических особенностей. В процессе такого анализа можно сделать выводы, которые актуальны не только для субстандартного словообразования. Рассмотрим это положение на примере морфемы, функционирование которой не ограничивается жаргонной или арготической деривацией.

Суффикс -ш- в субстантивной деривации современного русского языка продуктивен в производстве имен с модификационными значениями разных типов. В первую очередь, это наименования лица женского пола по мужскому – *докторша, контролерша, дикторша*. Еще более активна эта морфема при производстве имен путем присоединения суффикса к усеченной основе имени собственного – антропонима – *Саша, Наташа, Мариша*, возможно наличие интерфикса – *Андрюша*. В качестве производящей основы могут выступать также неусеченные основы антропонимов и нарицательных наименований лица, бытующих в разговорной речи, при этом между основой и суффиксом также появляется интерфикс – *мамаша, Павлуша* и т.д. Далее мы будем рассматривать слова, относящиеся именно ко второму типу.

В «Краткой русской грамматике» элементы, которые должны трактоваться, на наш взгляд, как интерфикс, рассматриваются как часть суффикса, соответственно, выделяются суффиксы -аш-, -уш- [16: 70]. Однако более логичным будет выделение именно суффикса -ш-, так как здесь «носителем значения является не весь отрезок,

расположенный после основы, а лишь тот элемент, который присутствует во всех производных словах с данным деривационным значением», а «в качестве суффикса следует выделять ту минимальную часть слова, которая является носителем значения» [10: 121]. В пользу нашей точки зрения могут свидетельствовать и данные словарей жаргона. Составители фиксируют несколько дериватов с суффиксом -ш-, у которых данная морфема также присоединяется к усеченным основам, оканчивающимся на гласный звук, с ее помощью также образуются имена с модификационными значениями, а в качестве производящих основ выступают имена нарицательные. В школьном жаргоне таким образом, как правило, появляются наименования учебных предметов «чтение» – *чтеша*, «пение» – *пеша*, «математика» – *матеша*, «география» – *геша*, «русский язык» – *русеша*, «ботаника» – *боташа*, «информатика» – *информиша* [15: 314, 339, 337, 331, 330, 331]. Как можно заметить из приведенного списка, в большинстве случаев данные дериваты образуются от основ, при усечении которых в качестве финального элемента основы выступает звук [э], он становится ударным в производном слове. В слове *русеша* производящая основа заканчивается на согласный, элемент [э] появляется здесь по аналогии, но уже как интерфикс. Суффикс -ш- может присоединяться к основам, оканчивающимся на любой гласный – *боташа, экоша* [15: 45, 324], но возможно также усечение гласной основы и замена ее интерфиксальным гласным – *информиша* (вместо ожидаемого **информаша*). Как мы видим, носителем значения во всех этих дериватах и словообразующим аффиксом выступает именно суффикс -ш-, а гласный, непосредственно следующий за основой, выполняет функцию строевую. Эти выводы, безусловно, распространяются не только на жаргонную или арготическую деривацию, во всех словах с подобным модификационным значением будет выступать именно суффикс -ш-, следовательно, спорным является функционирование в русском языке суффиксов -уш(а), -аш(а).

Говоря о функционировании этого аффикса в жаргонном словообразовании, мы должны отметить следующий интересный момент. Участвовать в производстве имен с модификационными значениями по этой модели могли бы и другие наименования дисциплин, изучаемых в средней школе (вполне возможно было бы появление лексем типа **музеша* – «музыка», **алгеша* – «алгебра», **литеша* – «литература»), однако ранее приведенными примерами выборка репрезентантов данной тематической группы ограничивается. Другие тематические группы в рамках рас-

смагриваемого словообразовательного типа в школьном жаргоне практически не представлены, находим лишь образование *библиша* – «библиотека» [15: 38]. Таким образом, продуктивность данного словообразовательного типа невелика. Пытаясь ответить на вопрос, чем это может быть обусловлено, вероятно, следует обратить внимание на стилистическую окраску этого суффикса. В литературном языке морфема -ш- имеет ласкательное значение, нередко с оттенком фамильярности. Составители Толкового словаря русского школьного и студенческого жаргона [15], фиксируя лексемы типа *пеша*, *чтеша*, *геша*, сопровождают их пометой «шутливое». В Толковом словаре русского сленга [2] такой пометы нет. На наш взгляд, это оправданно, ведь субстандартные лексемы с элементом -ш- имеют не столько эмоциональную, сколько экспрессивную окраску, причем степень их экспрессии незначительна, это становится заметно, если обратиться к сопоставлению с членами синонимического ряда, например, *пеша* – *пешка*, *матеша* – *матуха*, *геша* – *географуза* [15: 339, 337, 331]. Заметим, что в словарях не фиксируется, в речи представителей какой возрастной группы изначально появлялись рассматриваемые нами дериваты, однако, исходя из набора именуемых предметов, мы можем предположить, что это младшая школа и начальный этап среднего звена. Уровень экспрессивности речи подростков выше, оценочность выражена более ярко, поэтому для номинаций дисциплин, изучение которых продолжается и в средней, и в старшей школе, выстраивается достаточно протяженный синонимический ряд (нередко более 10-15 наименований) из более экспрессивных лексем. Для производства номинаций новых учебных предметов данный суффикс в связи с особенностями его стилистической окраски используется редко.

Вопрос о фонемном составе аффикса является актуальным и тогда, когда речь заходит об окказиональных и уникальных морфемах. Вопрос о разграничении окказиональных и уникальных морфем в субстандартном словообразовании и вообще о возможности существования в нем уникальных морфем является на данный момент малоизученным. Л.В.Рацибурская подробно рассматривает вопрос об уникальных морфемах (другие специалисты называют их нерегулярными) в современном русском языке, но жаргонный и арготический материал в ее исследовании не включается [11]. При этом в словарях арготического жаргона обнаруживаются примеры аффиксов, существующих либо только в одном слове, например, *титреши* (тетрадь) [15: 277], *обалдайс* [2: 253], либо в единичном значении – *англёпа*

(английский язык) [15: 26], но трудно говорить о том, что перед нами именно нерегулярные (уникальные) морфемы. В первую очередь это обусловлено характером субстандартного словообразования: например, в жаргонном словообразовании важную роль играет экспрессивность, очень важен фонетический фактор, активно используется языковая игра, однако в каждом отдельном случае мы будем иметь дело либо с окказиональной морфемой, либо с результатом фонетической языковой игры, с каламбурной контаминацией. Таким образом, применительно к молодежному жаргону вопрос о регулярности /нерегулярности использованной морфемы ставить достаточно сложно, тем не менее это не значит, что такого явления в субстандарте быть не может. В дальнейшем интересно будет рассмотреть в этом аспекте лексемы сленга, жаргонов разных социальных групп, арготического жаргона.

Итак, можно говорить о том, что жаргонное словообразование на данном этапе нуждается не только в описательном исследовании, при этом анализ его особенностей должен идти с учетом как специфики деривационных характеристик жаргона, так и с учетом явлений и процессов, свойственных словообразованию русского языка вообще. Результаты исследований в этой области, несомненно, позволят не только сделать лексикографические описания в словарях субстандартного жаргона более точными, но могут быть полезными для освещения процессов и явлений, характерных для словообразования русского литературного языка.

1. *Грачёв М.А.* Словарь тысячелетнего русского арготического: 27000 слов и выражений. – М.: РИПОЛ классик, 2003. – 1120 с.
2. *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга: свыше 12000 слов и выражений, арготического, кинематографического, жаргонного. – М.: «АСТ-Пресс книга», 2005. – 672 с.
3. *Химик В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
4. *Грачёв М.А.* Русское арготическое: монография. – Н. Новгород, 1997. – 245 с.
5. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование: Учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.
6. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Изд.2, доп. – М.: URSS, 2010. – 184 с.
7. *Николаев Г.А.* Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская лингвистическая школа // Русское и славянское словообразование: Opera selecta. – Казань: Казан. Гос. Ун-т, 2011. – С. 4 – 19.

8. Николаев Г.А. Словообразование как раздел лексикологии // Русское и славянское словообразование: Opera selecta. – Казань: Казан. Гос. Ун-т, 2011. – С. 19 – 26.
9. Николаев Г.А. Взаимодействие морфологического и семантического словообразования в славянских языках // Русское и славянское словообразование: Opera selecta. – Казань: Казан. Гос. Ун-т, 2011. – С. 32 – 36.
10. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 323 с.
11. Рацибурская Л.В. Уникальные морфемы в современном русском языке. – М.: Прометей, 1998. – 166 с.
12. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Изд-во «Индрик», 2001. – 504 с.
13. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: «Норинт», 2004. – 768 с.
14. Грачёв М.А. Словарь современного молодежного жаргона: более 6000 жаргонизмов. – М.: Эксмо, 2007. – 672 с.
15. Вальтер Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. – М.: Астрель, АСТ, 2005. – 360 с.
16. Краткая русская грамматика / В.Н.Белоусов, И.И.Ковтунова, И.Н.Кручинина и др.; Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. – М.: «Русский язык», 1989. – 639 с.

ON PHONEMIC STRUCTURE OF ARGOTIC AFFIXES

E.V.Khabibullina

The article studies slang derivation and analyzes several affixes to determine their phonemic composition in argotic derivation. The results of the analysis enable to outline the possibility of phonomorphemes in social dialects. At the same time, the features of jargon derivational characteristics as well as the phenomena and processes inherent in the Russian language word formation should be taken into account. The article also demonstrates the possibility of using argotic derivation material to solve the problems facing researchers of word formation in the literary language.

Key words: word formation, affix, phonomorpheme, modification value, argot, substandard.

1. Grachjov M.A. Slovar' tysjacheletnego russkogo argo: 27000 slov i vyrazhenij. – M.: RIPOL klassik, 2003. – 1120 s. (In Russian)
2. Elistratov V.S. Tolkovyj slovar' russkogo slenga: svyshe 12000 slov i vyrazhenij, argo, kinemalogos, zhargony. – M.: «AST-Press kniga», 2005. – 672 s. (In Russian)
3. Himik V.V. Pojetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyj fenomen. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2000. – 272 s. (In Russian)
4. Grachjov M.A. Russkoe argo: monografija. – N. Novgorod, 1997. – 245 s. (In Russian)
5. Balalykina Je.A., Nikolaev G.A. Russkoe slovoobrazovanie: Ucheb. posobie. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1985. – 184 s. (In Russian)
6. Nikolaev G.A. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: Teoreticheskie problemy. Izd.2, dop. – M.: URSS, 2010. – 184 s. (In Russian)
7. Nikolaev G.A. Teoreticheskie problemy russkogo slovoobrazovanija. Kazanskaja lingvisticheskaja shkola // Russkoe i slavjanskoe slovoobrazovanie: Opera selecta. – Kazan': Kazan. Gos. Un-t, 2011. – S. 4 – 19. (In Russian)
8. Nikolaev G.A. Slovoobrazovanie kak razdel leksikologii // Russkoe i slavjanskoe slovoobrazovanie: Opera selecta. – Kazan': Kazan. Gos. Un-t, 2011. – S. 19 – 26. (In Russian)
9. Nikolaev G.A. Vzaimodejstvie morfologicheskogo i semanticheskogo slovoobrazovanija v slavjanskih jazykah // Russkoe i slavjanskoe slovoobrazovanie: Opera selecta. – Kazan': Kazan. Gos. Un-t, 2011. – S. 32 – 36. (In Russian)
10. Zemskaja E.A. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie: Ucheb. posobie. – M.: Flinta: Nauka, 2005. – 323 s. (In Russian)
11. Raciburskaja L.V. Unikal'nye morfemy v sovremenom russkom jazyke. – M.: Prometej, 1998. – 166 s. (In Russian)
12. Janko-Trinickaja N.A. Slovoobrazovanie v sovremenom russkom jazyke. – M.: Izd-vo «Indrik», 2001. – 504 s. (In Russian)
13. Himik V.V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj jekspressivnoj rechi. – SPb.: «Norint», 2004. – 768 s. (In Russian)
14. Grachjov M.A. Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona: bolee 6000 zhargonizmov. – M.: Jeksmo, 2007. – 672 s. (In Russian)
15. Val'ter X. Tolkovyj slovar' russkogo shkol'nogo i studencheskogo zhargona. – M.: Astrel', AСТ, 2005. – 360 s. (In Russian)
16. Kratkaja russkaja grammatika / V.N.Belousov, I.I.Kovtunova, I.N.Kruchinina i dr.; Pod red. N.Ju.Shvedovoj i V.V.Lopatina. – M.: «Russkij jazyk», 1989. – 639 s. (In Russian)

* * * * *

Хабибуллина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: elvikh@mail.ru

Khabibullina Elena Viktorovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.

E-mail: elvikh@mail.ru

Поступила в редакцию 24.07.2014